

Царевна Ненаглядная-Красота.

Давно было, не въ наше время, въ нѣ-
которомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ го-
сударствѣ жилъ-былъ славный царь
Афронъ Андроновичъ. Было у него
три молодца сына: старшій Дмитрій-
царевичъ, средній Василій-царевичъ, да млад-
шій Иванъ-царевичъ. Сыновья Афроновы всё
уже были на возрастѣ: младшему семнадцатый
годъ пошелъ, а самому царю Афрону
и за шестой десятокъ перевалило. И сгруст-
нулось однажды царю Афрону, какъ подумалъ онъ, поглядѣлъ
на своихъ сыновей молодцовъ: «вотъ», думаетъ, «хорошо имъ
молодымъ жить, на свѣтъ божій радоваться, а ко мнѣ, вотъ,
ужъ и старость приближается, того и гляди еще недуги
разныя одолѣютъ и бѣлый свѣтъ не милъ станетъ... Какъ
мнѣ быть? Какъ бы старости избыть?...» Думалъ онъ такъ,

думаль, да и заснулъ. И привидѣлся царю сонъ, будто гдѣ-то, за тридевять земель, въ тридесатомъ государствѣ, живетъ царевна, Ненаглядная-Красота, трехъ мамоѣ дочка, трехъ бабоѣ внучка, девяти братьевъ сестра, и будто у той царевны подъ изголовьемъ сулея съ живой водой хранится; а кто этой воды изопьетъ—на тридцать лѣтъ молодежь станетъ. Какъ только пробудился царь Афронъ отъ сна, сейчасъ и дѣтей своихъ, и думныхъ людей собралъ, и говорить имъ: «разгадайте вы мнѣ мой сонъ, люди умные, совѣтники мои разумные, какъ мнѣ быть? Гдѣ бы мнѣ эту царевну розыскать?» Помолчали люди умные, совѣтники думные, длинные, сѣдые бороны расправили, погладили, за ухомъ почесали, и такъ царю Афрону отвѣтствовали: «царь, государь! хоть видомъ и не видали, а слыхомъ-то слыхали и мы про ту царевну, Ненаглядную-Красоту, и про сулею съ живой водой безцѣнную; а какъ ее найти, какимъ путемъ до нея дойти, то намъ невѣдомо!» Какъ только услышали это три царевича, такъ въ одинъ голосъ и стали проситься у своего царя-батюшки: «батюшка царь! благослови насъ на всѣ четыре стороны ѣхать, людей посмѣть, себя показать, и царевну Ненаглядную-Красоту розыскать». Отецъ согласился, надѣлилъ ихъ на дорогу, распрощался съ ними ласково, и отпустилъ на всѣ четыре стороны. Два старшихъ брата на правую руку изъ городскихъ воротъ поѣхали, а младшій, Иванъ-царевичъ—на лѣвую. Только что съ версту, не болѣе, старшіе отъ дома отѣхали, какъ попадаетъ имъ на встрѣчу старый человѣкъ, и спрашиваетъ ихъ: «куда вы это, молодцы, собрались? Далеко-ли путь держите?» А царевичи ему: «убирайся ты,

старый хрычъ! Какое тебѣ дѣло?» Ничего не сказалъ старичекъ и пошелъ своею дорогою. А царевичи ѣхали, ѣхали и день, и другой—и недѣлю, да въ такую глушь заѣхали, что только небо да земля: ни жилья, ни души человѣческой. И въ самомъ-то глухомъ мѣстѣ, въ самой трущобѣ, повстрѣчали они другаго старичка, еще постарше перваго. «Здравствуйте, добрые молодцы!» — говоритъ онъ царевичамъ, «отъ дѣла лытаете, али дѣла пытаете?» — «Вѣстимо, дѣла пытаемъ! ѣдемъ у царевны Ненаглядной-Красоты сулею съ живой водой добывать.» — «Нѣтъ, добрые молодцы!» говоритъ имъ встрѣчный старичекъ, — «лучше и не пытайтесь туда доѣхать». — «Отчего же бы такъ?» — «А вотъ отчего: на томъ пути есть три рѣки, широкія и великія, а на тѣхъ рѣкахъ три перевоза: на первомъ перевозѣ отсѣкутъ вамъ по правой рукѣ, на второмъ—по лѣвой, а на третьемъ—и головы долой!» Закручинились царевичи-братья, повѣсили буйныя головы ниже могучихъ плечъ, а сами и думаютъ: «не то отцову голову, не то свою жалѣть? Лучше ужъ мы по-добру-по-здорову назадъ воротимся, да подождемъ у моря погоды». И вернулись они назадъ, да такъ за сутки пути отъ дома отдыхать въ полѣ задумали, шатры съ золотыми маковками раскинули, коней на траву пустили, и сами такъ порѣшили: «станемъ тутъ жить-поживать, брата поджидать, въ гульбѣ время коротать»...

А съ Иваномъ-царевичемъ иное на пути приключилось. Повстрѣчалъ и онъ того старичка, который братьямъ его попался на дорогѣ; и его тоже спросилъ тотъ старичекъ: «куда, молодецъ, собрался? Далеко-ли путь держишь?» А Иванъ-царевичъ ему въ отвѣтъ: «тебѣ какое дѣло? Я съ

тобой и говорить не хочу!» Да потомъ, отѣхавъ немного, одумался: «зачѣмъ же я такъ грубо старику отвѣтилъ? Старые-то люди догадливы! Авось онъ меня на умъ наведетъ». Повернулъ онъ коня, настигъ старика и говоритъ: «постой, дѣдушка! не слышалъ я, о чемъ ты меня спрашивалъ?» — «Спрашивалъ тебя, далеко-ли ты путь держишь?» — «Да вотъ, дѣдушка, ѣду отыскивать царевну Ненаглядную-Красоту, трехъ мамокъ дочку, трехъ бабокъ внучку, девяти братьевъ сестру, хочу у нея живой воды для царя-батюшки добыть». — «Ну», сказалъ старичекъ, «исполать тебѣ доброму молодцу, что учтиво отвѣтъ держалъ; за то и я тебя на умъ наставляю; тебѣ туда на простомъ конѣ не доѣхать!» — «Да гдѣ же непростого-то коня взять?» — «А вотъ гдѣ: вернись домой, прикажи конюхамъ всѣхъ лошадей твоего батюшки согнать къ синему морю: которая лошадь напередъ выдвинется, забредетъ въ воду по самую шею, и какъ станетъ пить — на синемъ морѣ начнутъ волны подыматься, изъ берега въ берегъ колыхаться — ту и бери!» — «Спасибо на добромъ словѣ, дѣдушка!» Какъ старикъ научилъ, такъ царевичъ и сдѣлалъ; выбралъ себѣ изъ отцовскихъ коней богатырскаго коня, ночь переночевалъ, и только было хотѣлъ на другое утро, выѣхать, въ сѣдло садиться, какъ его конь проговорилъ ему человѣческимъ голосомъ: «Иванъ - царевичъ, припади къ землѣ; я тебя трижды пихну, чтобы въ тебѣ силушки богатырекой поприбыло». Разъ пихнулъ, и другой пихнулъ, а въ третій не сталъ. — «Вижу», говоритъ, «что ежели въ третій пихнуть, насъ съ тобой земля на себѣ не снесетъ». Сѣлъ Иванъ-царевичъ на коня, одѣлся въ доспѣхи ратные, взялъ

изъ отцовской оружейной палаты древній богатырскій мечъ-кладенецъ и отправился въ путь-дорогу. Ъдетъ онъ день, ъдетъ недѣлю, и мѣсяцъ, и два, и три, да въ такія мѣста заѣхалъ, что конь его по колѣни въ водѣ, по грудь въ травѣ бредеть, а ему, доброму молодцу, и ѣсть нечего. И вотъ въ самой глуши, наѣзжаетъ Иванъ-царевичъ на избушку убогую; стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, а въ ней баба-яга, костяная-нога лежитъ, изъ угла въ уголъ протянулась. Вошелъ въ избушку царевичъ, говорить: «здравствуй, бабушка!»—«Здравствуй, Иванъ-царевичъ! что ты—отъ дѣла лытаешь, али дѣла пытаешь?»—«Дѣла пытаю, бабушка! Ъду за тридевять земель, въ тридесятое государство, отыскиваю царевну Ненаглядную-Красоту, хочу у нея живой воды для царя-батюшки добыть!» Отвѣчаетъ ему баба-яга: «хоть видомъ не видала, а слыхомъ слыхала: только тебѣ туда не добратся».—«Отчего бы такъ?»—«Оттого, что есть на пути три перевоза: на первомъ тебѣ правую руку отсѣкутъ, на другомъ — лѣвую, на третьемъ — голову долой».—«Ну, бабушка, одна голова не бѣдна. Поѣду—что Богъ дастъ!»—«Эхъ, Иванъ-царевичъ! лучше назадъ воротись, ты еще младъ-юноша—нигдѣ въ опасныхъ мѣстахъ не бывалъ, большихъ страховъ не видалъ».—«Нѣтъ, бабушка, коли взялся за гузъ, не говори, что не дюжъ!» Попрощался онъ съ бабой-ягой и поѣхалъ дальше; и подъѣзжаетъ къ первому перевозу. Видитъ, перевозчики на другой сторонѣ спать полегли. Стоитъ Иванъ-царевичъ на берегу и думаетъ: «если я имъ голосомъ крикну — на вѣкъ оглушу; если во весь свистъ свистну — перевозъ потоплю». И свистнулъ онъ въ пол-

свиста; перевозчики тотчасъ отъ сна вскочили, и переправили его черезъ рѣку!—«Что вамъ за работу, братцы?»—спрашиваетъ Иванъ-царевичъ. — «Да что много запрашивать? Давай правую руку!» заголосили въ одно слово перевозчики.—«Ну, нѣтъ! рука мнѣ самому надобна!» отозвался Иванъ-царевичъ, да какъ выхватить мечъ-кладенецъ—махнулъ направо, махнулъ налево—всѣхъ перевозчиковъ лоскомъ положилъ, и поѣхалъ дальше. Такъ миновалъ онъ и еще два перевоза. Подъѣзжаетъ, наконецъ, къ

тридцатому царству, а на рубежѣ тамъ стоитъ дикій человекъ — ростомъ съ лѣсомъ ровень, толщиной, словно копна большая, стоитъ, держитъ въ рукахъ коренастый дубъ. Говоритъ великанъ Ивану-царевичу: «куда ты, червякъ, ѣдешь?» — «Ѣду въ царство къ царевнѣ Ненаглядной-Красотѣ, живой воды для царя-батюшки добывать». — «Куда тебѣ, коротышгѣ! Я здѣсь сто лѣтъ стерегу ея царство, навидался богатырей — не тебѣ чета молодцы при-

ѣзжали, да и тѣ отъ моей руки пали; вонъ ихъ кости лежать. А ты что? Какъ есть червякъ!» Видитъ царевичъ, что ему великана не одолѣть, и повернулъ коня въ сторону; ѣхалъ, ѣхалъ, въ самую чащу лѣса заѣхалъ, и наткнулся на избушку, а въ той избушкѣ сидитъ стародревняя старушка. Какъ увидѣла она добраго молодца, такъ тотчасъ и говоритъ: «здравствуй, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ тебя Богъ сюда занесъ?» Разсказалъ ей царевичъ все безъ утайки. Сжалилась надъ нимъ старушка, достала съ печки зелье волшебное и клубочекъ. «Ступай», говоритъ, «въ чистое поле, разведи костеръ и брось въ огонь это зелье; да, смотри, самъ-то за вѣтромъ стой, чтобы на тебя дымомъ отъ костра не пахнуло. Отъ этого дыма уснетъ великанъ крѣпкимъ сномъ; ты сруби ему голову, а потомъ покати передъ собой клубочекъ, и поѣзжай, куда онъ покатится. Доведетъ тебя клубочекъ до тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ царевна Ненаглядная-Красота. А царевна та девять дней гуляетъ, да девять дней послѣ того богатырскимъ сномъ у себя во дворцѣ отдыхаетъ; только ты смотри, въ ворота не ѣзди, а прямо черезъ тынъ на всемъ скаку перескакивай, да за струны не зацѣпи; не то все царство всполошишь: тогда тебѣ живому не бывать. А какъ перескакаешь черезъ тынъ, тотчасъ ступай во дворецъ—въ заднюю комнату, отвори потихоньку дверь, да изъ-подъ подушки царевниной сулею съ живою водою и вытащи. Да взявъ сулею, назадъ поскорѣе спѣши, на царевнину красоту не заглядывайся, не то не одобровать тебѣ, доброму молодцу». Поблагодарилъ Иванъ царевичъ старуху и все по ея приказанію выполнилъ. Какъ развелъ костеръ, бросилъ въ него

зелье, такъ и потянуло дымомъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ на-сторожѣ дикій человѣкъ; помутилось у великана въ очахъ, сталъ онъ зѣвать да потягиваться, легъ на сырую землю и крѣпко на-крѣпко заснулъ. Иванъ-царевичъ отрубилъ ему голову, покатилъ клубочекъ, и пустился дальше. Ъхалъ онъ, ѣхалъ, вонъ ужъ и золотой дворецъ виднѣется изъ за зелени—вдругъ отъ дворца по дорогѣ пылъ столбомъ, а въ той пыли видно, какъ конья да доспѣхи блещутъ, слышенъ многихъ коней топотъ. Клубочекъ съ дороги самъ въ сторону покатился... Иванъ царевичъ за нимъ слѣдомъ, свернулъ съ пути, залѣзъ въ кусты, а коня на траву пастись пустилъ. И видитъ онъ изъ-за кустовъ, что выѣхала царица Ненаглядная-Красота со своимъ войскомъ въ зеленые луга тѣшиться. И все то войско царицино изъ однѣхъ дѣвицъ набрано: та красна, а та еще краше! А всѣхъ краше, ненагляднѣе сама царица. Разбила она шатеръ на лугу и девять дней со своимъ войскомъ разными играми потѣшалась; а царевичъ, словно голодный волкъ, изъ засады своей на царицу смотрѣлъ, глазъ съ нея не сводилъ, и насмотрѣться не могъ. Наконецъ, на десятый день, какъ всѣ въ златоверхомъ царициномъ теремѣ заснули, онъ, на всемъ скаку разогнавши коня, въ теремной садъ черезъ тынъ перескочилъ, коня къ дереву привязалъ, а самъ, какъ воръ крадучись, во дворецъ пробрался, въ ту самую горенку, гдѣ на пуховой постели раскинувшись, косы русыя разметавши, лежала царица Ненаглядная-Красота и спала непробуднымъ богатырскимъ сномъ. Вытащилъ царевичъ изъ подъ ея изголовья сулею съ живой водой, и хотѣлъ-было бѣжать поскорѣе, да молодецкое сердце не вы-

терпѣло—наклонился онъ къ царевнѣ и трижды поцѣловалъ ее въ уста сахарныя. И только онъ успѣлъ изъ терема выйти, сѣсть на коня, да, черезъ тынь перескочивши, на дорогу выѣхать, какъ пробудилась отъ его поцѣлуевъ Ненаглядная-Красота, вскочила на свою быстролетную кобылицу и пустилась за Иваномъ-царевичемъ въ погоню. Припустилъ Иванъ-царевичъ добраго коня своего во всю прыть, за узду шелковую дергаетъ, по бокамъ плетью охлестываетъ... И провѣщалъ конь человѣческимъ голосомъ: «за что бѣдѣшь ты меня, Иванъ-царевичъ? Отъ той кобылицы ни звѣрю лѣсному, ни птицѣ небесной не уйти, не укрыться: она бѣжитъ—земля дрожитъ, быстрыя рѣки съ берега на берегъ перескакиваетъ, холмы да удолья между ногъ пропускаетъ!» И только успѣлъ онъ то слово вымолвить, какъ наѣхала царевна на добраго молодца, ударила его съ размаха мечемъ, и въ самую грудь угодила. Упалъ царевичъ съ коня на сырую землю; ясныя очи закрываются, алая кровь запекается... Глянула ему въ глаза Ненаглядная-Красота и взяла ее жалость великая: видитъ она, что другаго такого красавца-юношу во всемъ свѣтѣ не сыскать! И приложила она къ его ранѣ руку бѣлую, омочила изъ сулей живой водой—и вдругъ заживилась его рана и всталъ Иванъ-царевичъ здоровъ и невредимъ.—«Возьмешь меня за себя за мужъ?»—«Возьму, царевна!»—«Ну, такъ поѣзжай же въ свое царство, и коли черезъ три года ты меня не забудешь, такъ буду я тебѣ женой, а ты мнѣ мужемъ». И простились нареченные женихъ съ невѣстой, и разѣхались въ разныя стороны. Долго Иванъ-царевичъ ѣхалъ и видитъ, наконецъ, на горѣ шатеръ съ золотой маковицей раскинутъ, а около шатра два доб-

рые коня ѣдятъ бѣлояровую пшеницу, пьютъ медовую вытицу, а въ шатрѣ томъ лежатъ его старшіе братья, пьютъ, ѣдятъ, забавляются, разными играми потѣшаются. Стали старшіе братья меньшаго разспрашивать: «добылъ-ли ты живой воды для батюшки?» — «Добылъ», говоритъ имъ спроста Иванъ-царевичъ, — да все безъ утайки и рассказалъ, какъ что было. Позвали его братья съ собою шировать, напоили до-пьяна, вынули у него изъ-за пазухи сулею съ живой водой, а его самого въ пропасть бросили... Летѣлъ, летѣлъ въ ту пропасть Иванъ-царевичъ, и упалъ въ самое подземное царство. — «Ну», думаетъ, «пришла гибель неминучая! Отсюда и путей на ту сторону не сыскать!» И пошелъ онъ по подземному царству. Шель-шель, видитъ, ужъ и день коротается, къ ночи подвигается; и набрелъ, наконецъ, на жилое мѣсто: стоитъ у самага моря дворъ, что городъ, — изба, что теремъ. Царевичъ къ крыльцу, съ крыльца въ сѣни, изъ сѣней въ избу, Богу помолился и ночевать попросился. А въ избѣ сидитъ старуха, старая, престарая, вся въ морщинахъ, вся сѣдая; говоритъ она: «ночуй, пожалуй, добрый молодецъ! да скажи, куда тебя несетъ!» — «Старый ты чловѣкъ, бабушка, а неучтиво меня спрашиваешь! Ты прежде напой, накорми, да спать положи, тогда ужъ вѣстей и спрашивай». Старуха царевича напоила, накормила, спать положила и стала разспрашивать. И сказалъ ей Иванъ-царевичъ: «былъ я въ тридесятомъ царствѣ у царевны Ненаглядной-Красоты въ гостяхъ, а теперь домой къ батюшкѣ-царю Афрону возвращаюсь, съ дороги сбился — не покажешь ли ты мнѣ пути на родину?» — «Я и сама, царевичъ, этого не вѣдаю, вотъ уже и двадцатый десятокъ на этомъ свѣтѣ

живу, а про царя Афрона не слыхивала. Ну, да теперь спи спокойно; а завтра соберу я своихъ развѣдчиковъ — можетъ изъ нихъ кто нибудь и знаетъ». На другой день всталъ царевичъ раненько, умылся бѣленько, вышелъ со старухой на крыльцо, и вскричала старуха громкимъ голосомъ: «эй, вы! рыбы морскія пловучія да гады земные ползучіе—слуги мои вѣрные, собирайтесь сюда до единого!» Тотчасъ синее море всколыхалось, собирается рыба большая и маленькая, собирается всякой гадъ, пластомъ къ берегу идетъ—воду укрываетъ. «Не знаетъ ли кто, гдѣ на всемъ свѣтѣ живетъ царь Афронъ и какимъ путемъ отсюда въ его царство пробраться?» Отвѣчаютъ все гады и рыбы въ одинъ голосъ: «видомъ не видали, слыхомъ не слыхали!» Обернулась старуха въ другую сторону, закричала: «эй, вы, звѣри лѣсные-рыскачіе! птицы воздушныя-летучія! слуги вы мои вѣрные, собирайтесь сюда, солетайтесь, соходитесь все до единого!» Набѣжало звѣрья лѣснаго видимо-невидимо, налетѣло птицы всякой тучи-тучами, стала ихъ старуха о царѣ Афронѣ спрашивать, и все въ одинъ голосъ старухѣ кричать: «и видомъ-то мы не видали, и слыхомъ-то не слыхали!»—«Ну, царевичъ, больше некого и спрашивать!» Только, было, хотѣли въ избу войти, какъ въ воздухъ зашвистало, зашумѣло, налетѣла Моголь-птица, денной свѣтъ крыльями закрыла, и у самой избы пала на землю.—«Ты гдѣ бывала, отчего запоздала?» крикнула на нее старуха. «А я далече летала, въ самое царство царя Афрона, на край свѣта бѣлаго».—«Ну, такъ тебя же мнѣ и надобно; послужи мнѣ службу вѣрою-правдою: снеси туда Ивана царевича».—«Рада бы снести, да больно много пропитанья

надобно: вѣдь туда три года летѣть прійдется». — «Бери сколько надобно». И снарядила бабушка Ивана-царевича: устала на птицу чанъ воды, да мясомъ корзину плетеную до верху наложила, и дала ему въ руки колъ желѣзный. «Вотъ», говоритъ, «какъ полетишь на Моголь-птицѣ, и станеть она къ тебѣ оглядываться, такъ ты ей тотчасъ на колъ кусъ говядины и подай». Сказалъ ей спасибо Иванъ-царевичъ, сѣлъ на Моголь-птицу—и вмигъ она взвилась и помчала его, какъ вихорь, по воздуху. Летить она, летить, долго летить, а сама—то и дѣло оглядывается на царевича, то и дѣло говядину съ кола склевываетъ. И видитъ Иванъ-царевичъ, что корзина-то уже къ концу идетъ... Говоритъ къ Моголь-птицѣ: «эй ты, Моголь-птица, мало тебѣ пропитанья осталось; пади на сырую землю, запасу я тебѣ еще бочку мяса разнаго». Отвѣчаетъ ему Моголь-птица: «въ умѣ-ли ты, Иванъ-царевичъ! здѣсь подъ нами лѣса дремучіе, грязи вязучія, коли туда опустимся, такъ намъ съ тобою отсюда по конецъ вѣка не выбратъся». Вотъ царевичъ и всю говядину скормилъ, и корзину съ чаномъ съ птицы спихнулъ, а Моголь-птица опять летить и оборачивается, пропитанья требуетъ... Что дѣлать? Вырѣзалъ Иванъ-царевичъ изъ своихъ ногъ икры и подалъ ихъ на колъ Моголь-птицѣ. Она проглотила ихъ и опустила Ивана-царевича на луга зеленые, на травы шелковые, на цвѣты лазоревые. Какъ соскочилъ съ нея на земь Иванъ-царевичъ, такъ Моголь-птица икры его и выхаркнула, къ ногамъ ему приложила, слюной намазала, и пошелъ царевичъ путемъ-дорогою крѣпко и бодро. Подходить онъ къ столицѣ царя Афрона, своего батюшки роднаго, и видитъ надъ городомъ что-то не-

доброе творится: толпы народа по улицам бродят, из конца въ конец; царевы думные люди по городу разъѣзжают, у всѣхъ что-то выспрашиваютъ, да словно растерянные сѣдыми головами покачиваютъ. И сталъ царевичъ встрѣчныхъ спрашивать: «что за притча надъ городомъ сотворилася?» Отвѣчаютъ ему люди добрые: «приплыла къ царству нашему царевна Ненаглядная-Красота, на сорока корабляхъ привезла съ собою войско безчисленное, требуетъ отъ царя, чтобы выдалъ онъ ей Ивана-царевича, который ее три года назадъ ото сна потревожилъ, поцѣловалъ въ уста сахарныя; а коли не выдастъ—все царство выжечь-вырубить собирается». — «Ну, кстати же я пришелъ! Мнѣ ту царевну и надобно!» И прямо пошелъ къ царевнѣ на корабль. Тутъ они цѣловались, миловались, въ божьей церкви обвѣнчались: а послѣ къ царю Афрону поѣхали, и все ему повѣдали. Царь Афронъ старшихъ сыновей со двора прогналъ, наслѣдства лишилъ, а съ меньшимъ сталъ жить да поживать и добра наживать.

